

12+

Юлия Знаменская
Кленовый лист
Сборник стихов

Юлия Знаменская

Кленовый лист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62774153

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03516-4

Аннотация

Стихи – это всегда часть души, светлая часть, которая ближе к Богу. Я собрала свои стихи, написанные за последние десять лет, которыми хочу поделиться. Думаю, в них для каждого найдется тот самый хвостик, за который можно зацепиться, если потеряна последняя надежда.

Содержание

Кленовый лист	5
Тень с потолка струится	6
Шаль	7
Привкус горький	8
Тоска	10
Зима	11
Зеркала	12
Уже не то	13
Осенний кардиоандроз	14
Предновогоднее	16
Жар-птицы	17
Не мы	18
Хвост	19
Зимний дождь	20
Скучаю	21
Где же весна?	22
Не прошу	23
Весенний пилигрим	24
Может, еще успею?	25
За стеной	27
Мне не грустно	28
Тлеющее	29
Обветренными губами	30

Не снится	32
Тепло на душе	34
Облако	35
Сосны в горах	36
Тополя	37
Верба	38
Утренние мысли	39
Патефон и рука	40
Мне вдруг стало нечего сказать	41
Застывший воск	42
Для полета требуется взмах	43
Заклейменная счастьем пленница	44
Застегнут пиджак души	46
Стеклянные водопады	48
Тикает ночь	50
Мы с тобой на разной частоте	52
Погибшая ёлка	53
Спасибо осени	54
Где взять вдохновение?	55
Пронизаны холодом дни	57
Вдыхаю дождь	58
Распад	59
Четыре стены	61
Потерянность	63
Стеклянные сны	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Кленовый лист

Угас восторг, чернильным фиолетом

Пленяет вечер, ветви серебра.

Кленовый лист, прощаясь с бабьим летом,

Дрожит на холоде седого ноября.

Как счастлив был среди багряных братьев,

Купаясь в золоте сусальных куполов,

И погружаясь в шелест, монастырь Ипатьев,

Дарил ему печаль колоколов...

Все больше красок остается в прошлом,

Бледнеет неба синий аметист,

Дыханьем сна окутан запыленный

Кленовый старец – потемневший лист.

Тень с потолка струится

Медленной матовой нитью

Тень с потолка струится,

Стены покроем финифтью,

Тихо скользя по лицам,

Тактику темных линий

Спрячет под лунный глянец,

Фон -то ли темно-синий,

То ли седой багрянец...

Сгинет видение утром,

В тусклом свету растает:

Вязью сплетенная сутра –

Снова стена пустая.

Шаль

За строчкой строчка крутится клубок,

Сплетая петли рифмами в катрены.

Остывший чай – забытого глоток –

Пускает зайчик солнечный на стены...

Щекочет пальцы шелковая нить,

Из прошлого за мыслью тянет мысль,

Пытается как будто прояснить

Потерянных иллюзий тонкий смысл.

Двойными петлями ее в узор скручу,

Края закрою длинной бахромою –

На плечи шаль наброшу, помолчу –

Ушедшее теперь всегда со мною...

Привкус горький

Темнота – еще не пустота,

В ней хотя бы пища для иллюзий,

В ней прозрачная немая красота,

Нити мыслей – словно хвост медузий.

Пустота – еще не глыба льда,

Просто ничего – ни снов, ни яви,

Бесконечность однотонных нет и да...

Неосознанная муть тисками давит.

Глыба льда – еще не край тоски,

Это лишь холодная поверхность –

Пустоты мороженой куски,

Амнезии светлая неверность.

Край тоски – тот самый острый край,
За которым ненаписанные строки,
Не доехавший до станции трамвай,
Недосказанного слова привкус горький...

Тоска

В сумраке утра прячется тоска,

Сколько ни гони ее, ни прячь,

Бледностью небес все равно близка,

И ее сквозь окна слышен плач.

Где же зачерпнуть капельку тепла,

Как же сохранить последний блик,

Соскользнувший вдруг с мокрого стекла?

Чем поймать последний яркий миг?

Лучше бы уснуть, вмерзнуть в лед ее,

Чтобы не роптать и не болеть.

Пусть укроет снег душу до краев,

И следов звериных сверху сеть....

Зима

Седая старушка зима

Присыпала небо мукой,

И пледом пуховым дома

Накрыла с холодной тоской.

Вареники с клюквою впрок

Морозила в льдах-закромах,

Метелью продула порог,

Проверила блеск в зеркалах.

Устала, на тучи легла,

Окошки побелит потом.

Махнула рукой по углам

И тьму осенила крестом.

Зеркала

Я приду в этот мир удивиться

Как весомы его зеркала –

В них смертельно уставшие лица,

Истощенные страстью тела.

Отвернуться от них невозможно,

Ни укрыться, ни спрятаться в сны.

Слишком связаны узами сложно

С отражением, слишком тесны.

Я из мира уйду, продолжая

Удивляться невиданным снам,

Я уйду, этот мир обожая,

Оставляя лицо зеркалам...

Уже не то

Уже не то, уже не так,

И взгляд унылый угнетает,

В нем только серо-синий мрак

Мышиной стаи.

Я не хочу кроить покой

Под новой маской эйфории,

Болезнь искусственной тоской

И аритмией.

Тебе мешает пустота,

А у меня в ней мироточат

Обрывки чистого листа

И многоточий...

Осенний кардиохандроз

Осенний кардиохандроз

Душевных струн внезапно грянул!

Ни ванна с маслом чайных роз,

Ни аромат кофейных гранул

Не помогают. Стон ветров

Унылым воем день терзает...

И мутный инея покров

На душу холодом сползает...

Я не готов, нет в пальцах сил

Стучать по матовым квадратам.

С каким бы рвением я косил

Траву, пшеницу, ароматам

Внимая летним. Где ж оно?

Хочу нырнуть в тепло его!

Предновогоднее

Предновогодние скитанья

Полны надежды и тоски,

В них снежных тайн очарованье

И льда сомнений лепестки.

Игрушек блеск в колючих лапах,

Предновогодний витамин –

В еловой хвое терпкий запах

Вмешался нежный мандарин.

Скрипит последняя неделя

Катком по лезвию конька,

Хлопушкой в будущее целя,

Цепляя искрой облака!

Жар-птицы

Бледнеет космический купол,

Луну пеленой укрывая,

Лишь звездочек горсточка скупю

Сияет у самого края.

Тенями от крыльев мелькая,

Туда прилетают жар-птицы:

Мятущихся чувств моих стая

Надежды клюет по крупнице.

К утру легкий пух снегопада

Накроет остывшую душу:

Холодная вата-улада

Болезненный трепет заглушит.

Не мы

Сонные сонмы дней

Тают за часом час...

Нет в них уже огней,

Нет и не будет нас.

Вьюжит в душе февраль,

Треплет листы судьбы –

Зимняя пастораль

Сдавшихся без мольбы.

Может когда-нибудь

Кто-то другой – не мы –

Выберет светлый путь –

Без ледяной зимы.

ХВОСТ

Убегаю, убегаю,

убегаю от тебя,

Вихрь мыслей и мечтаний –

Вырос ты, меня губя.

Отрекаюсь, отрекаюсь,

Отрекаюсь от тебя,

Не желаю больше счастья,

Отрекаюсь я, любя.

Замерзаю, замерзаю,

Замерзаю без тебя.

Свой же хвост надежд терзаю,

По кускам его рубя.

Зимний дождь

Зимний дождь грустней, чем осенью,

Дольше, мельче, холодней:

В небе нет прозрачной просини,

Только стаи темных дней.

Зимний дождь все в чем-то кается,

Волочится, лебезит,

А зима молчит, красавица –

Словно айсберг-монолит.

Слишком дождь нелеп в сиянии

Ледяных ее зеркал...

Слишком грубое касание

Не обвенчанных начал.

Скучаю

Скучаю по нашим странным

Подтекстам в простых словах,

И спорам шутя спонтанным,

Скрывающим суть в устах.

Скучаю по вихрям мыслей,

Рожденным от слова "мы" ...

В его самом первом смысле

Скорее мы две тюрьмы.

Прощаясь на миг, скучаю,

Скучаю, закрыв глаза.

Я большего и не чаю –

Бог против, и мы – не "за".

Где же весна?

Моченьки нету, где же весна?

Душит стволы метель...

Шишками мерзлыми дышит сосна,

Стынет корнями ель.

Скрипом простуженным стонут в ночи,

Хвою бросает в дрожь,

Моченьки нету, где же лучи?

Лед на ветвях как нож...

Ветры промозглые свищут в ответ,

Снегом колючим жгут.

Моченьки нету, где же рассвет?

Страшно, тоскливо тут...

Не прошу

Все стихло вдруг: и мысли, и слова,

Исчезли отблески последнего смятенья.

Безликой гладью лед меня сковал –

Застынет в холоде тоска и стану тенью.

Засыплет снег обрывками стихов,

Покроет перьями заплаканных подушек.

Под проседью распушенных мехов

Покой бессмысленный от жалости удушит.

О шорохе не просят тишину,

Тепла вымаливать немислимо у вьюги.

Все принимаю, не прошу и не клянусь,

Спокойно сердце растворяю в Кали-Юге...

Весенний пилигрим

Солнышко по полу шлепает лапками,

Прыгает белкой по окнам моим,

Тихо скользит между сонными тапками –

Рыжий, весенний, смешной пилигрим!

Я его выманю в руки орешками –

Вкусные рифмы насыплю в рукав.

Пусть и не сразу – бочком, перебежками –

Бликом коснется, орешки забрав.

Может, еще успею?

Страшно ли вплавь по суше

Вдоль берегов убогих

Сквозь ледяные души

Вверх продираться к Богу?

Птицы слепые стаей

Рвутся навстречу ветру,

Падая и взлетая,

Мечутся – ищут веру...

Тесно им там и душно,

Мертвая плоть пустыни

Давит молчаньем души,

Травит тоской унынья.

Страшно, но мысль гложет:

Если они сумеют,

Может смогу я тоже?

Может, еще успею?

За стеной

Приглушенной мелодией Баха

Льется чья-то тоска за стеной...

Две невидимых тени от взмаха

Полукруглой качнулись волной.

Патетически цепкая драма

Растворяет бетон потолка.

Округляя до купола храма,

Поднимет его в облака...

Каждым звуком терзает все глубже,

Каждым стоном тоскует сильнее.

Душу тянет все туже и туже,

Бьет минором больней и больней...

Мне не грустно

Наползает на берег тень,

Гаснут блики и миражи.

Только мыслей сплетенных сень

На дрожащих устах лежит:

Мне не грустно, а просто жаль,

Тех потерянных сладких лет,

Что уплыли куда-то вдаль

По волнам суетливых тщет.

Мне не страшно остаток дней

Никуда не идти, не плыть,

Стать старше, слабей, бедней –

Страшно сердцем внутри остыть.

Тлеющее

Тлеет любовь в камине,

Щепкой трещит сосновой,

Нет уж ее в помине –

Сердце пустует снова:

Словно кора зимою

Каждой промерзло жилкой,

Скрипом морозным воем,

Помня о тайном, пылком...

Путаясь в снах и яви,

Кашлем сбивая мысли,

Новую явь ваяет

Без теплоты и смысла.

Обветренными губами

Обветренными губами

Нам город шептал устало:

"Причуды капризной дамы

Прощал и терпел, но мало!

Ей хочется потрясений,

Сомнений, тревожной неги,

На завтрак – тоски осенней,

На ужин – безе из снега.

Увольте, адью, ребята,

Я в осень влюбился б лучше:

Солил огурцы, опята

Ругал бы дожди и тучи.

Но нет же – попался в сети,
Объятий ветвей весенних,
Сквозь них мне улыбкой светит
Хозяйка снегов последних".

Не снится

Не снится ночами мне море,

И я ему тоже, наверно.

Мы не были вроде бы в ссоре,

И письма текли равномерно:

Оно мне писало о бликах,

Играющих светом заката,

Тоскующих облачных ликах,

Плывущих над мачтой фрегата.

А я все о кошках дворовых,

Спеленутых зимним объятьем,

О серых бетонных оковах,

Простуженном старом Арбате.

Не шепчутся мысли с прибором,

И взгляд не целует лазури...

Тоску мы молчанием скроем,

Заглушим раскатистой бурей.

Тепло на душе

Тепло на душе по-майски,

И радостно как-то вдруг,

И хочется птицей райской

Метнуться на новый круг!

Расправив от счастья крылья,

Войти в облаках в пике,

И падать в немом бессилье

С судьбою щека к щеке.

Доверить волнам Зефира

И чувства, и каждый вдох,

В небесных шелках ампира

Устроить переполох.

Облако

Катится кубарем облако пышное
В утреннем небе в обнимку с весной.
Скачет, хохочет, поет еле слышное
Что-то про счастье и ветер хмельной.
Вдруг над рекою слезами заплыло,
Выгнуло спину, наморщило лоб –
Песню унылую тихо завыло:
Юный рыбак здесь когда-то утоп.
Вечером к лесу сползло, постарело,
Тенью устало легло на ночлег.
В отблеске розовом тихо сомлело –
Жаль, что так короток облака век...

Сосны в горах

Скульптурами вековыми

Застыли на склоне горы

В причудливой пантомиме

Сосновые шапки-шары.

То шепчутся тайно от ветра,

То дремлют в старушечьем сне,

Манто из зеленого фетра

Сплетая тесней и тесней.

Изгибы стволов ярко-рыжих

Горят закатившимся днем.

Не выдержал он и не выжил –

Размылся весенним дождем...

Тополя

Налилися стволы тополей

Молодецкими соками бурными,

Манят в сети пахучих аллей,

Завлекают ветвями ажурными.

Шелест листьев – тугая тоска,

Словно шепот их страсти порывистый.

Чуть коснувшись губами виска,

Кружат голову тропкой извилистой...

Верба

Тенью ажурной танцуя по стенам,

Листьями мелко дрожа на ветру,

Узница хрупкого белого плена –

Верба поклон подарила утру.

Холод ее очаровывал негой,

Нежно окутывал ветви во сне,

Чтобы застыла под хлопьями снега

И не мечтала о теплой весне.

Утренние мысли

Блики сновидений тают на рассвете,

Вороха предчувствий тонут в облаках.

Терпкостью прохлады утро день приветит,

Трелями закружит птичьими в лесах.

Мысли, словно капли в нитях паутинки,

Хрусталем сверкают, тайны снов храня.

Их вот-вот рассыпет пылью по тропинке

Неуклюжий ветер будущего дня.

Патефон и рука

Мы не просто привычки друг друга,

Мы всю жизнь патефон и рука –

Ты крутил мне пружины по кругу,

Я звучала в квадрат потолка.

Но сломались во мне все иголки,

И растерзан пластинок винил.

"Бесполезнее ты кофемолки", -

Уходя, от души обвинил.

И теперь я пылюсь раритетом,

Вспоминаю пластинки с тоской...

Надо было мне быть пистолетом,

А тебе надо было – виском!

Мне вдруг стало нечего сказать

Мне вдруг стало нечего сказать,

Ни полстрочки, ни пол даже слова.

Где же спрятались все буки и все ять?

И вернутся ли, наведаются ль снова?

Я молчу о зареве тоски,

Не пишу о бликах на окошке:

Пусть сжимаются удушливо тиски,

На душе пускай скребутся кошки.

Я молчу, и льется дождь сквозь сон –

Мыслей бесполезная настойка.

Липы листьями чуть шепчут в унисон:

"Сколько ждать стихов твоих? Ну сколько?..."

Застывший воск

Видения и мысли угасают.

Свечами, не колеблясь, в полудреме

Горят и, пламенем души касаясь,

Спокойно тают в ласковой истоме.

Я не застаю их последних бликов,

Застывший воск уже не слезы вовсе.

Бесчувственный, холодный и безликий,

Он мыслей и видений новых просит.

Для полета требуется взмах

Сколько жизней надо, сколько душ,

Чтоб до дна дойти, испив всю чашу боли.

Ты кому-то друг, кому-то муж –

Но в названиях прописаны лишь роли.

Чем сильнее боль, тем четче суть

Иероглифов пожизненных сплетений:

Мы насажены на нити – не вздохнуть,

Только милостыня – несколько мгновений.

Можем лишь смотреть на облака –

Счастья светлые пушистые квантили...

Для полета требуется взмах,

А для взмаха требуются крылья.

Заклейменная счастьем пленница

Я воюю с собой за нас
И последние крохи нежности.
Пусть покроются слоем фраз
Червоточины неизбежности...

Я закрою глаза на все,
Что мерещится в отражении,
Слепота мне покой несет,
Лепит прошлому продолжение.

Ты оттаешь в волнах тепла,
Завоеванный пленник жалости.
Станет меньше в глазах стекла,
И в душе – роковой усталости.

Я хочу убаюкать боль,
Полюбить тебя будто нового,
Я вступаю в неравный бой,
Подставляю под выстрел голову.

Как бессмысленно быть слепой!
Как наивно бороться с мельницей!
Но военной иду тропой,

Заклейменная счастьем пленница.

Застегнут пиджак души

Застегнут пиджак души,
Надежно запаян швами.
Рюкзак на спине пришит –
Заполнен по край словами.

В нем много красивых фраз,
И много сплетений смыслов –
Классический пересказ
Чужих философских мыслей.

Тащу этот странный груз
Все дальше к концу тоннеля,
Надеюсь на добрых муз –
Пусть ношу со мной разделят.

Но музы пока молчат,
Цепляя к душе булавки –
Ушить, подтянуть, стачать –
Тарифы по новой ставке.

Ну что ж – доползу и так,
Без модного силуэта,
Отрезать бы мне рюкзак –

В молчании стать поэтом...

Стеклянные водопады

Я скольжу по изгибам судьбы
На лодчонке своей одинокой,
Чуть касаясь ладонью потока,
Потрясений ровняю горбы.

Пролегает отмеренный путь
Вдоль покатых и скошенных истин,
То он дорог, а то ненавистен,
Ни свернуть с него, ни утонуть.

Каждый встреченный мной – водопад,
Бурно плещет, лодчонку взметая,
Словно горная тропка витая
Крутит петли следов наугад.

Но внезапно замрет в полусне,
Забывая меня, стекленея,
Тишина вместо слов все плотнее,
Словно капля смолы на сосне.

Водопадов чужих перезвон
Переливом остался хрустальным,
Только память хранит уникальным

Голосов их пронзительный тон.

Для кого-то и мой водопад
Превратился в руины осколков.
В их судьбе я видение только —
Промелькнувших мгновений каскад.

Тикает ночь

Тикает ночь часами –

Лузгает зерна света.

Явь шевелит усами

Брезжущего рассвета.

Невыносимость круга

Однообразных будней

Давит на сон упруго,

Плюхнувшись рыбным студнем.

Вырваться в сон из яви –

Кажется, это выход.

Только бы не изъяли

Исподволь, подло, тихо...

Стало себя мне жалко...

Силюсь уснуть поглубже.

Не перегнуть бы палку,

Не умереть бы тут же...

Мы с тобой на разной частоте

Мы с тобой на разной частоте

Посылаем тайные сигналы.

Волны гаснут в хрупкой пустоте,

Закругляя синусы в овалы.

Разминулись линии судьбы,

В точке встречи лишь соприкоснувшись.

Параллельно нам придется быть,

В тупики бетонные уткнувшись.

Но храню в душе моей кудель –

Мыслей-ниточек светящуюся кладезь –

Накручу на спицы в ряд петель

И связать себя с тобой пытаюсь...

Погибшая ёлка

Погибшая елка стоит над селом,

Склонила засохшие ветви, остыла,

Ей осень мила угасающим сном,

Покрылась грибами верхушка уныло...

Зачем зеленела сто лет на холме?

Кому отдавала созревшие шишки?

Скрипела под снегом в угоду зиме,

Едва согревая в сугробе лодыжки...

Темнеет еловый ее силуэт –

Дождями размытые линии тела.

Блуждает в туннелях ствола короед...

Как быстро вся жизнь между снов пролетела.

Спасибо осени

Спасибо осени за этот чудный день,

За листопада трепетные листья,

В нем прячется бледнеющая тень,

Как будто нарисованная кистью.

Дождем размытая на небе акварель

Сползает каплями по яблокам и сливам.

Споет им скоро на ночь министрель –

Холодный ветер вальсовым мотивом.

Сгустились тучи в легком полусне,

Предчувствуя падение с вершины,

Распад и превращенье в липкий снег,

И тающие к этому причины...

Где взять вдохновение?

Хоть бейся гаджетом последним в стены,

Хоть руки режь обломками планшета,

Не ляжет рифма строчками в катрены,

Пока ты видишь в зеркале поэта!

Убей в себе гордыню самородка,

Дави ростки возвышенного транса,

И не ищи на кухне в сковородке

Картофельной клетчатки декаданса...

От простоты рождается сермяга

Поленниц мыслей, сложенных рядами,

Плетеных коробов душистых ягод,

Колец на срезах, нажитых годами...

Ныряй в сугроб, в восторге изваляйся,

Забудь себя и ртом вдыхай морозец –

Почувствуй радость вечного девайса –

Кидай ведро с веревкою в колодец!

Пронизаны холодом дни

Весенний огонь снегопадом засыпан вселенским,

Метет и метет помелом морозильным зима!

Наверное, кажется ей аргументом серьезным и веским

Отсутствие разума в лицах и душ полумертвая тьма.

Весна, нам не надо твоей водяной канители,

Оставь нас в покое, небесная светлая синь!

Тепла нам не надо, оставь эти глупые трели –

Не трогай, не мучь, замолчи и покинь нас, покинь!

Пронизаны холодом дни, заморожены будни,

Пунктиром следов человеческих вытоптан путь

Внутри безучастного, мутного серого студня –

Ни крыльями в нем не взмахнуть, ни вдохнуть.

Вдыхаю дождь

Я круглосуточно хожу по кругу грез,

Вдыхаю дождь и радость выдыхаю:

То сокращаю кислород желанных доз,

То лишнего тихонько добавляю.

В немых бессонницах ищу источник сна,

В слепых метаниях ищу хоть каплю смысла.

Бумага слишком безразлична и тесна

Для жизни в ней стихов моих и мыслей...

Зачем выстраивать горбатые мосты,

Не нужно чувства цементировать словами...

Я просто спрячусь от холодной пустоты

Под теплый свитер твой с большими рукавами.

Распад

Растет и пучится над лесом брюхо,
Блеснуло молнией, коснулось слуха
Раскатом ярости потусторонним,
Гортанно-кашляющим, похоронным.

Под брюхом маленькая и босая
Старуха с пепельными волосами,
Махнула весело серпом и молотом,
И ветром юбку ей раздуло в колокол.

"Зашторьте окна! Невыносимо!" –
Мой голос внутренний звучит уныло,
Сквозь дыры черные октябрь светит,
В них лезут скользкие слепые дети.

На белых личиках ни слез, ни жизни –
Ползут шеренгами в три слоя слизи.
Стеною ливень отрешенно хлещет
В пустыне воздуха сплетеньем трещин...

Все меньше ясности, сильнее рвота,
Застыли лозунги переворота
В тазу остатками галлюцинаций,

Нет больше смысла в них и интонаций.

Мир распадается на эйфорию,
Морфиноманию и ностальгию:
Распада стадии одинаковы –
И у стихии,
и у Булгакова...

Четыре стены

Четыре стены, лоснящиеся атласным шелком,
Считают беззвучно зеркала моего осколки,
Дошли до две тысячи семнадцати и истлели,
Змеиной сползают кожей по полу и постели.

В ловушке моей дыхание драгоценно –
Опалами гладких бусин в темноте рассеяно,
Проемы оконные чернильной тоской залиты –
Бальзама бы каплю мне Булгаковской Маргариты:

Земли потерять навязчивое прикосновение,
Оковы одежд приговаривая к сожжению
В языческом пламени дьявольской революции,
Метлою по люстре, по стеклам – и вон на улицу.

Взмывая сквозь ветер по ребрам трехмерной спирали,
Содрать с себя на лету остатки гнилой морали.
Достать до последней точки восторга, и снова вниз –
Пространство взрывая хохотом, переходящим в визг.

Четыре стены сжимают плотнее – до удушья,
И маятник тихо сманивает покой из грядущего.
Прости, Маргарита, но я не доверюсь бальзаму,

Мне ближе дорога, спокойно ведущая к храму...

Потерянность

Моя потеряность среди ночей ушедших,
Прошедших, отошедших, растворенных
В годах растерянных, когда-то сумасшедших, -
Моя разлука той меня влюбленной
С собой разлюбленной, без права переписки,
Без поиска потерянной причины,
Моя разлука с кем-то очень близким,
Перерубившим нервы пуповины, -
Всего лишь холод, в форточку проникший,
Надувший занавеску, словно парус,
Слизнувший пар, над чайником зависший,
На окнах превратившийся в стеклярус...

Стеклянные сны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.